

О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ «ЖИВУЩЕЙ ЧЕТВЕРТИ» В ПЕРИОД
ПИСЦОВОГО ОПИСАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА В 1627–1629 г.¹

Глубокие изменения, которые произошли в налоговой системе Московского государства после завершения Смуты, давно привлекали внимание историков. В работах дореволюционных исследователей А. С. Лаппо-Данилевского и других было установлено, что масштабное писцовое описание земель Московского государства, начатое правительством Михаила Федоровича в 1620-х годах, стало поворотным моментом в замене поземельного принципа обложения подворным [Лаппо-Данилевский; Сергеевич; Готье]. Введение «живущей четверти» вызвало значительные сложности, поскольку Поместный приказ в ходе валового описания стремился также сохранить поземельный принцип и возможность взимания налогов по старой системе. Писцы решали проблему сочетания старого, поземельного, и нового, подворного, принципов описания неодинаково, и это сделало писцовые книги 1620-х годов исключительно сложным с источниковедческой точки зрения комплексом документов.

Дореволюционная историография писцового описания 1620-х годов была наполнена дискуссиями о сути реформы «живущей четверти» и достоверности сведений о пашне, содержащихся в книгах. П. Н. Милюков связал «живущую четверть» с некоторой действительной площадью распаханной земли [Милюков, с. 116, 117, 119]. М. А. Дьяконов отождествлял появление «живущей четверти» со стремлением правительства перевести в разряд тяглого населения бобылей и положить бобыльские дворы в оклад, наряду с крестьянскими, но по половинной норме [Дьяконов, с. 207, 227–228]. И. Н. Миклашевский обратил внимание на сложности налогообложения «одноворческих»² хозяйств юга России, изучая их на примере Рязанского уезда. По его замечанию, писцы Рязанского уезда «на одноворчесов сошного письма не смели не положить, потому что они преж сего в сошном письме были ж» [Миклашевский, с. 45]. Поскольку норма «живущей четверти» была к таким хозяйствам неприменима, обложению подверглись владельческие дворы по норме четверик пашни, половина четверика и менее.

Итоги дореволюционных исследований писцовых книг были подведены С. Б. Веселовским, который считал «живущую четверть» условной единицей обложения, относившейся к подворному налогообложению чисто символически [Веселовский, т. II, с. 487]. Скептическое отношение С. Б. Веселовского к данным писцовых книг пагубно отразилось на дальнейшем изучении этого типа источников.

Советские исследователи ввели в научный оборот значительный комплекс источников. Были предприняты попытки сопоставить данные писцовых и отказных книг для корректировки сведений о размерах угодий и количестве дворов [Тихонов]. На основе документов, характеризующих деятельность крестьянской общины центральных и северных уездов государства, было изучено влияние крестьянских миров на внутреннюю раскладку повинностей [Бакланова; Александров; Горская; Васильев]. Вместе с тем процедура возложения налогов на миры часто оставалась за рамками исследований. В меньшей степени изучалось положение крестьянской общины в южных уездах государства, где мирские традиции в первые десятилетия XVII в. находились в зачаточном состоянии. В. М. Важинский установил, что в южных уездах сформировалась община особого типа — одноворческая, объединявшая пустопоместных служилых людей [Важинский].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058а

² Мы используем термин «одноворчес» в том смысле, какой вкладывал в него И. Н. Миклашевский и впоследствии В. М. Важинский [Миклашевский; Важинский]. Одноворчес — служилый землевладелец, не сумевший обзавестись крестьянскими и бобыльскими дворами. Под «одним двором» понимается владельческий двор самого помещика.

К настоящему времени исследования комплекса валового письма 1620-х годов в значительной степени опираются на концепцию Л. В. Милова [Хитров; Черненко, Чеченков]. Л. В. Милов установил, что «начиная с 1627 г. практически все сохранившиеся писцовые книги в основу норм тягоспособности населения закладывали принцип “живущей” или “дворовой четверти”, которая была формой подворного налогообложения. Писцы по-разному реализовали расчеты на основе живущей четверти, что привело к появлению писцовых книг трех типов — “оптимального”, “деформированного” и “с неразделенной пашней” [Милов, Булгаков, Гарскова, с. 111–112]. Тем не менее внутри предложенных типов книг встречаются более сложные, смешанные разновидности, имеющие свои особенности. На это, в частности, указывал А. Л. Шапиро, который, принимая в целом предложенную Л. В. Миловым типологию, одновременно подчеркивал, что «репрезентативность разных писцовых книг первой трети XVII в. далеко не одинакова» [Шапиро, 1987, с. 99]. Возникшая дискуссия коснулась преимущественно принципов обложения, реализованных в книгах валового письма. При этом ученые молчаливо исходили из того, что нормы обложения, предписанные писцовыми наказами, соблюдались, и по новой системе объектами обложения оказывались исключительно крестьянские и бобыльские дворы. Обращение к самим книгам валового письма, однако, убеждает, что так было не всегда и реальная практика обложения была сложнее, особенно на окраинах.

Изучение системы налогообложения, введенной во время валового письма 1620-х годов, далеко не завершено. Не исследована специфика описания разных территорий Русского государства, в то время как еще Ю. В. Готье отметил разницу писцовых приемов, различающихся даже в масштабах одного Московского уезда [Готье, с. 143]. На такую сторону вопроса, как практическое применение норм «живущей четверти», почти не обращалось внимания в литературе. Между тем она принципиально важна, так как речь идет не просто об ошибках или сознательных искажениях правил, допущенных писцами, но о попытке писцов приспособить эти правила к конкретной действительности.

Новопостроенные южные уезды представляются благодатным полем для изучения этого вопроса. Специфические черты поместного землевладения на южных окраинах государства доказывают существование серьезных различий в положении дворянства исторического центра и окраин, на что обратил внимание Б. Н. Флоря, анализируя состояние русского общества накануне и в период Смуты [Флоря, с. 33]. В южных уездах XVII в. служилые люди несли ряд натуральных повинностей и служб, наряду с тяглым населением [Скобелкин, 1987, с. 47; Камараули, 2015а, с. 115]. В настоящей статье мы попытаемся выяснить, как применялась «живущая четверть» в условиях Воронежского уезда, где подавляющее большинство населения было служилым.

Основным источником исследования стала писцовая книга Воронежского уезда писца Романа Киреевского и подьячего Леонтия Недовескова³. Описание уезда происходило в течение 1627–1629 г., на пике обширных работ по валовому описанию земель государства. Заметим, что ранее Воронежский уезд был описан дважды в ходе дозоров в 1615 и 1620–1622 г.⁴

Для анализа использовался беловой экземпляр писцовой книги 1627–1629 г., та ее часть, которая рассматривает поместья и вотчины, закрепленные за служилыми землевладельцами, дворянами и детьми боярскими, поместными казаками, беломестными и слободскими атаманами.

---

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104.

⁴ После дозора 1615 г. на территории Воронежского уезда был проведен второй дозор дозорщиками Василием Сараевым и подьячим Иваном Борисовым в 7129 и 7130 г. Материалы дозора 1615 г. опубликованы (см.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891). Материалы дозора В. Сараева 1620/1621–1621/1622 г. утрачены, о них имеются косвенные упоминания, например, в писцовой книге Воронежского уезда 1627–1629 г. (см.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Л. 72, 73 об., 74 об., 75 об., 339 об., 346 и др.).

Их владения расположились в пределах всего уезда, в границах четырех его станов: Чертовицкого, Карачунского, Борщевского и Усманского. Деления на волости в Воронежском уезде XVII в. не существовало. Характерной особенностью воронежской писцовой книги является общая для помещичьего и крестьянского хозяйства цифра «пашни паханой», что дало основания Л. В. Милову отнести ее к типу книг «с неразделенной пашней», при этом он подчеркивал, что такие книги содержат реальные данные о запашке [Милов, Булгаков, Гарскова, с. 151, 155].

Часть книги, описывающая светские владения, зафиксировала 58 поселений, в том числе 24 села, 29 деревень, 5 починков, кроме того, было учтено 46 пустошей. На территории поселений уезда и на «придачах» разместилось крестьянских дворов — 1432⁵, бобыльских дворов — 331. Что касается земель, то писцовая книга учла 48848 десятин земли, в том числе распахиваемых регулярно — 10040 десятин, распахиваемых периодически, «наездом» — 188 десятин, таким образом, обрабатывалась пятая часть описанных земель. Остальные пашенные земли были описаны как перелог и «дикие поля» [Камараули, 2016, с. 81, 84–86]. Писцовая книга зафиксировала объем сенокосных угодий в копнах. Применительно к светским владениям описано 80717,5 копны, что в пересчете на десятины дает нам площадь угодий, равную 8071,5 десятины. Измерение лесов при описании Воронежского уезда не производилось.

За рамками исследования осталось монастырское землевладение, анализ которого не может составить подробной картины налогообложения, поскольку монастырское землевладение в Воронежском уезде в изучаемый период находилось в зачаточном состоянии. Так, за четырьмя монастырями было учтено крестьянских дворов — 31, в них 53 человека, бобыльских дворов — 46, людей в них 59, пашенных земель — 2040 десятин, включая «пашню паханую», перелог и «дикое поле».

Утверждение «живущей четверти» в реальной писцовой практике было непростым делом. Более чем для 70 уездов Русского государства было установлено несколько разрядов (статей) «живущей четверти»⁶ [Лаппо-Данилевский, с. 530–531]. Не подлежит сомнению, что новые нормы обложения, существенно различавшиеся по регионам, должны были вызвать противодействие податного населения. Норма «живущей четверти» для каждого уезда не была застывшей, напротив, она могла меняться от указа к указу [Милов, Булгаков, Гарскова, с. 102]. Рассмотрим, как утверждалась норма «живущей четверти» для Воронежского уезда. Указ 1626 г. приписал Воронежский уезд к наиболее тяжелой первой статье налогообложения: «на Резани, во Мценску, в Курску, в Рьльску, в Путивле, в Ряском, на Воронеже на живущую четь пашни по 2 человека крестьян да по 2 бобыля, а за монастыри по 3 человека крестьян и бобылей в четверть»⁷. Эта же норма была выписана среди прочих для примера в доклад государю 19 марта 1630 г.⁸

Население Воронежского уезда «всем городом» обратилось к правительству с просьбой об облегчении норм, переводе в «льготный» разряд налогообложения. В декабре 1630 г. в Поместном приказе была рассмотрена коллективная челобитная воронежцев, из которой следовало, что во время дозора 1620–1622 г. дозорщик Василий Сараев руководствовался тяжелой нормой «живущей четверти»: «и писал... у нас... по четыре двора крестьянских и бобыльских в четверть, называючи у нас доброю землею». Далее из текста челобитной вытекает, что в период описания 1627–1629 г. писцу Роману Киреевскому «...велено... по твоему государеву указу писать в четверть по 2 крестьянина да по 3 бобыля»⁹.

⁵ Из них 1344 двора в уезде, остальные — на городских «придачах», то есть поселениях, тяготевших к г. Воронежу.

⁶ Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министерства юстиции. Вып. 1. Указная книга Поместного приказа / Подг. В. Н. Сторожев. М., 1889. С. 198–200.

⁷ Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. Вып. 1. Акты 1627–1649 гг. / Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1917. № 5. С. 26.

⁸ Там же. № 70. С. 156, 159, 160.

⁹ Там же. № 80. С. 182.

Воронежцы настаивали на переводе в «льготный» разряд на том основании, что уезд испытывал страшное разорение от «татарской войны». Известно, что во время Смуты татары располагались на территории южных русских уездов как на местах своих постоянных кочевий, совершая регулярные военные набеги для захвата пленников, но в 1620-х — начале 1630-х годов в набегах установилось относительное затишье [Глазьев, 2015, с. 71]. Тем не менее, по свидетельству воронежских челобитчиков, татары набегали из степи 2—3 раза в год, угоняя в плен значительную часть населения: «и берут... у нас на пашнях и на покосех крестьян, и бобылей, и жон, и детей, и нас, холопей твоих, и пущи нам худые земли»¹⁰. Челобитная воронежцев была удовлетворена: в числе 53 городов указом от 8 января 1631 г. Воронеж был переведен в «льготный» шестой разряд «против Кашина» с нормой 8 крестьянских и 4 бобыльских двора для поместно-вотчинных земель¹¹. Заметим, что сопротивление тяжелой норме «живущей четверти» в Воронежском уезде не вылилось в открытое восстание. В то же время в отдельных регионах государства крестьяне сопротивлялись писцам. Например, Ю. С. Васильев писал о том, что при описании поморских уездов крестьянам удавалось добиться понижения оклада или отмены всего описания [Васильев, с. 31].

Итак, опубликованные источники сообщают, что в Воронежском уезде в период дозора 1620—1622 г. действовала норма 2 крестьянских, 2 бобыльских двора, тяжесть которой воронежцы связали с высоким качеством земли («доброю землею»). Во второй половине 1620-х годов писец Р. Киреевский должен был руководствоваться нормой, которая описывается челобитчиками как 2 крестьянских, 3 бобыльских двора, а после издания указа от 8 января 1631 г. должен был опираться на норму 8 крестьянских, 4 бобыльских двора. Обращение к тексту писцовой книги дает основание утверждать, что норма «живущей четверти», примененная на практике писцом, не соответствует ни одному из вышеописанных разрядов. В исследовательской литературе высказывалось мнение, что при практическом расчете норм обложения предписанное указами соотношение крестьянских и бобыльских дворов могло изменяться [Дмитриева, с. 106]. Если руководствоваться общим итогом налогообложения по уезду¹², мы приходим к писцовым расчетам, исходившим из «живущей четверти» в 8 крестьянских и 0,5 бобыльских двора. Таким образом, налогообложение с одного крестьянского двора составило бы 0,118 четверти, а с бобыльского — 0,059 четверти. Такими «неудобными» дробями четверти писцу было бы невозможно оперировать в практических исчислениях, поэтому Р. Киреевский облагал каждое владение, исходя из «живущей четверти» в 8 крестьянских дворов (или 16 бобыльских дворов)¹³. Что касается общего итога обложения, посчитанного для поместных и вотчинных владений¹⁴, то при применении нормы 8 крестьянских и 0,5 бобыльских двора он практически сходится с количеством тяглых дворов с незначительной погрешностью в сторону недообложения, равной 16 крестьянским двора, что составляет менее 1 % от общего числа дворов в уезде. Однако, опустившись на уровень отдельных владений, мы обнаружим значительно большие несовпадения. Помимо обложенных по норме, мы встретим массу «переобложенных» и «недообложенных» с точки зрения норм «живущей четверти» владений. Попытаемся реконструировать методику расчетов писца.

Структура писцовой книги выглядит следующим образом. Книга разбита на станы. В каждом стане описываются по порядку поселения и пустоши. Практически все поселения

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Указная книга Поместного приказа... Указ от 8 января 1631 г. помещен под № 83, с. 102; сводная таблица окладов «живущей четверти» для всех городов см.: Там же. С. 198—200.

¹² Это итоги налогообложения, писцовые расчеты, сделанные внутри светских владений — поместий и вотчин.

¹³ Доля бобыльских дворов была в Воронежском уезде невелика (331 двор из 3027 тяглых дворов, то есть около 11 %), и основная тяжесть налогообложения падала на крестьянские дворы.

¹⁴ Этот общий итог равен 186,625 четверти.

и многие пустоши разбиты на жеребьи, принадлежавшие разным владельцам. Для каждого такого владения отдельно вычислено налогообложение. Всего Воронежской писцовой книгой зафиксировано 859 «светских» владений (далее — вл.). Из них не подлежали обложению вследствие отсутствия тяглых дворов или были обложены по норме «живущей четверти» из 8 крестьянских (или 16 бобыльских) дворов 46 %, к «недообложенным» отнесены 23 %, к «переобложенным» отнесен 31 % вл. Именно господством мелкопоместного землевладения в виде жеребьев-долей и объясняется внушительная общая сумма владений. Не только в Воронежском, но и во многих других южных уездах большинство населенных пунктов и пустошей было поделено на доли, или жеребьи, между группами помещиков [Важинский, с. 87–88; Камараули, 2015б, с. 80]. В Воронежском уезде поместные жеребьевые владения составили абсолютное большинство (808 вл.), в меньшинстве оказались нежеребьевые поместья (30 вл.)¹⁵ и вотчины (21 вл.)¹⁶. В уезде были помещены разные категории помещиков: дети боярские, поместные казаки, служилые атаманы, при этом поместные казаки владели своими землями лично, по типу детей боярских [Загоровский, с. 20, 90, 183].

Что касается атаманов, то они составляли особый слой землевладельцев. Совместное владение пашенной землей и сенокосами в равных долях наделяло землевладение атаманов чертами, сходными с чертами крестьянского общинного владения, описанного в литературе [Александров, с. 188; Швейковская], что влияло на характер налогообложения и расчеты «сошного письма» с атаманских хозяйств. Из общего числа владений атаманские составляли примерно четвертую часть — 201 вл. (23 %).

Из этих 201 вл. некоторые атаманские дворы (55 вл.) расположились в беломестной слободе на городской территории — на берегу р. Воронежа. К слободе примыкали так называемые «придачи» с. Бобяково и д. Ямная, поселения, пограничные между городом и уездом. На «придачах» слободские атаманы разместили дворы своих тяглых крестьян, всего 84 крестьянских двора, учтенные в писцовой книге в совокупности. Платеж в «сошное письмо» с указанных 84 крестьянских дворов составил 8,5 четверти, то есть часть крестьянских дворов, принадлежавших атаманам и положенных в оклад, была учтена по половинной норме, как бобыльские дворы. Следовательно, дворы тяглецов, принадлежавшие беломестным слободским атаманам, все в совокупности облагались ниже нормы.

Кроме того, значительное количество необеленных атаманских владений расположилось на территории Усманского стана — атаманские села Собакино, Боровое, Ступино и поделенное между атаманами и детьми боярскими село Излегощи. Из имеющихся в них 146 атаманских владений было обложено по норме «живущей четверти» 42 вл., выше нормы — 48 вл., ниже нормы — 56 вл. Характер обложения не соответствовал реальной тяглоспособности атаманских владений. Как будет показано далее, пониженное обложение свидетельствует о том, что атаманская зажиточная «верхушка» оказывала влияние на осуществляемый писцом счет «сошного письма».

Обложенными выше нормы (48 вл.) оказались «слабые» атаманские хозяйства. К слабым с точки зрения тяглоспособности нами отнесены хозяйства, где были зафиксированы владельческие дворы, малочисленные крестьянские дворы (не более одного-двух на владение), бобыльских дворов не оказалось. Возможно, что в указанных случаях обложению подлежали

¹⁵ В большинстве своем, в нежеребьевом владении оказались пустоши (19 из 30, то есть 63 %), принадлежавшие детям боярским.

¹⁶ Среди владельцев вотчин нет воронежских детей боярских. 13 вотчин принадлежало поместным казакам и их есаулам, 7 вотчин принадлежало вдовам с детьми (Челюсткина, Цурова), предположительно их мужья не имели отношения к воронежской служилой корпорации, будучи выходцами из тульского или рязанского служилых «городов». В воронежской десяте 1622 г. Цуровы и Челюсткины не упоминаются. Одна вотчина принадлежала рязанскому дворянину И. Язвцову.

владельческие дворы, либо имеющиеся крестьянские дворы были учтены по «полупторной» или «двойной» норме. Последнее, впрочем, маловероятно, поскольку крестьяне стремились бы сбежать от двойного тягла.

Приняв, что облагались именно владельческие дворы, получим, что норма их обложения была тем ниже, чем больше имелось у помещика крестьянских дворов. Так, по «половинной» бобыльской норме были обложены владельческие дворы в 76 % случаев (во всех имелись 1–2 крестьянских двора). По крестьянской норме обложены владельческие дворы в 20 % случаев (только в трети владений имелись 1–2 крестьянских двора, в остальных — 0 крестьянских дворов). По «полупторной» крестьянской норме обложены владельческие дворы в 4 % случаев, где атаманы не обзавелись крестьянами. Категория служилых атаманов постоянно пополнялась из числа вольных донских, волжских, яицких атаманов [Загоровский, с. 20]. Вероятно, атаманская «верхушка» стремилась устроить так, чтобы выше нормы облагались именно новоприбылые. Соответственно, новоприбылые не успевали обзавестись крестьянскими дворами и вынуждены были платить со своих владельческих дворов.

Напротив, сильные с точки зрения тяглоспособности атаманские владения (56 вл.), принадлежащие атаманской «верхушке», оказались обложены ниже нормы. У половины таких атаманов были бобыльские дворы, а также крестьянские в размере от 2 до 5 дворов на владение. Очевидно, что часть крестьянских дворов (от 1 до 4 дворов) у таких атаманов облагалась по бобыльской норме. Такой «двойной счет» не может быть объяснен простым подкупом писца, поскольку взятые в совокупности атаманские владения Воронежского уезда оказались обложенными ниже нормы¹⁷. Поблажки в налогообложении казаков выглядят частью правительственной политики. Правительство стремилось привлечь казаков на службу, поскольку мало контролируемая казачья вольница таила в себе угрозу социальных конфликтов [Куц, с. 109]. Верно служивших правительство щедро вознаграждало, как это произошло с героями Смутного времени. Казачий атаман Борис Каменное Ожерелье был участником Первого и Второго ополчений, в составе войск К. Минина и Д. Пожарского освобождал Москву от интервентов. В боях с польскими захватчиками отличился атаман Василий Шайдур [Загоровский, с. 114–115]. За свои заслуги оба атамана получили поместья в Воронежском уезде в деревнях Мальшевой, Остаповой (Ситной) и Нелже, их владения были обложены в писцовой книге почти вполуптину ниже нормы¹⁸.

Завершив краткий анализ землевладения и налогообложения атаманских хозяйств, рассмотрим, как было рассчитано «сошное письмо» для владений поместных казаков, детей боярских и их вдов. Всего учтено 658 таких владений (77 %), где вотчинники составляют чуть более 2 %, а основная масса землевладельцев представлена помещиками. По характеру обложения разделим их на категории (см. таблицу 1).

---

¹⁷ Заметим, что ситуацию с «недообложением» большинства атаманских владений (112 вл., или 56 % от всех атаманских вл.) не выровняло даже «переобложение» отдельных атаманских владений (48 вл., или 23 % от всех атаманских вл.).

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Л. 302 об., 739 об., 742 об., 548.

Таблица 1

Характер налогообложения писцом владений детей боярских, поместных казаков и вдов служилых людей

Размер обложения:	Владения без тяглых дворов, необлагаемые ¹		Облагаемые по норме ²		Облагаемые выше нормы		Облагаемые ниже нормы	
	вл.	%	вл.	%	вл.	%	вл.	%
Количество владений:	256	39 %	102	15 %	163	25 %	137	21 %
Всего:	658 (100 %)							

¹ Это владения помещиков и вотчинников, не сумевших населить свои земельные «дачи», в них нет тяглых дворов крестьян и бобылей, редко встречаются владельческие дворы. Собственно, владельческий двор фиксируется только в 6 из 256 учетных случаев, что составляет 2 %. Поскольку объектов обложения не имеется, «сошное письмо» равно нулю.

² За норму налогообложения мы считаем «живущую четверть» из 8 крестьянских (или 16 бобыльских) дворов.

Из таблицы 1 следует, что значительная часть владений Воронежского уезда не подлежала налогообложению вследствие отсутствия крестьянских и бобыльских дворов (256 вл.). Рассмотрим данные владения. Это преимущественно пустоши (158 вл., 61,5 %) либо запустевающие деревни и починки, о чем свидетельствует пометка писцов о «запустении» селений от татарских набегов, а также села, понизившие статус до деревень (13 вл., 5 %), убежища от «татарской войны»¹⁹ (4 вл., 2 %). Однако нельзя сказать, чтобы снятие тягла было связано исключительно с процессами запустения. Часть необлагаемых владений располагалась в поселениях, находящихся в процессе роста: починки; деревни, выросшие из пустошей; села, выросшие из починков и деревень (20 вл., 7,5 %) или же внешне совершенно обычных владений, несколько чаще встречающихся в Карачунском и Усманском станах (61 вл., 24 %). Перед нами ситуация, когда от обложения освобождена существенная часть владений уезда. Внешне она выглядит соответствующей правилу: нет тяглых дворов, значит, нечего положить в оклад. Но, как будет показано ниже, это правило работало с исключениями.

Обратимся к владениям, обложенным выше или ниже нормы. Чтобы определить, какие владения облагались не по норме, мы воспользовались следующей методикой. Во-первых, привели описанные в книге размеры «сошного письма» в соответствие с тем количеством тяглых дворов, которое должно быть у владельца, чтобы соответствовать дроби «сошного письма». При этом крестьянские дворы были пересчитаны в бобыльские для удобства расчетов. Так мы получили соответствие дроби «сошного письма» сумме неких «виртуальных» тяглых дворов. Во-вторых, высчитали разницу между реальными, описанными в книге тяглыми дворами и «виртуальными». Во владениях, где обложение соответствовало норме, разница между реальными и «виртуальными» тяглыми дворами была равна нулю. Случаи, где разница оказалась выше нуля, были отнесены к «переобложенным» владениям. Случаи, где разница оказалась ниже нуля, были отнесены к «недообложенным» владениям. Укажем, что, облагая владения не по норме, писец всегда руководствовался некими долями четверти (полчетверик, или 0,0625 четверти; четверик, или 0,125 четверти), пропорционально добавляя их к дроби «сошного письма» или убавляя. Тем самым он уменьшал или увеличивал итог «сошного письма» для каждого отдельно взятого владения. Попытаемся увидеть логику его расчетов.

Начнем с владений, обложенных выше нормы (163 вл.) (см. таблицу 2). Позволим себе предварить содержимое таблицы замечанием. Мы выдвигаем гипотезу, что писец практиковал обложение владельческих дворов в ряде случаев. Можно допустить объяснение, что в случаях,

¹⁹ Такое «убежище» располагалось в укрытой местности, где можно было пересидеть татарский набег, и, возможно, имело хранилище необходимых запасов.

помещенных в пунктах 3—4 (см. таблицу 2), облагались не владельческие дворы, а традиционные тяглые, но по завышенной норме (бобыльский как крестьянский, крестьянский по «полуторной» норме и т. п.). Но такое объяснение кажется маловероятным. Как упоминалось выше, крестьяне неизбежно стремились бы убежать от двойного тягла.

Таблица 2

Владения детей боярских, поместных казаков и вдов служилых людей, обложенные выше нормы

№ / № п/п	Характер обложения	Кол-во вл.	%
1	Обложение при полном отсутствии дворов (владельческих, крестьянских, бобыльских)	18	11 %
2	Обложение при наличии владельческого двора, отсутствии крестьянских и бобыльских дворов ³	56	34 %
3	Владельческий двор обложен, наряду с тяглыми, при этом он учтен по норме бобыльского	63	39 %
4	Владельческий двор обложен, наряду с тяглыми, при этом он учтен по норме крестьянского ⁴	18	11 %
5	Другие случаи	8	5 %
6	Всего:	163	100 %

³ Мы не учитываем здесь однодворные атаманские дворы, подлежащие налогообложению, так как указанные случаи разобраны выше.

⁴ Или тяглые дворы обложены по «полуторной», «двойной» норме.

Любопытными представляются случаи обложения владений, выпадающие из общего правила. Это владения, где писцовая книга не фиксирует дворов вообще (18 вл.), то есть не подлежащие обложению в принципе. Такие владения располагались как в пустошах, так и в населенных пунктах (п. 1 таблицы 2)²⁰. Обложение этих владений не могло быть связано с дворностью. Характерно, что обложенные бездворные владения не были единственными у своего помещика. В 14 из указанных 18 случаев помещики владели жеребьями в других населенных пунктах и пустошах (от 2 до 5 жеребьев). Эти жеребьи содержали значительное количество земель и иных угодий. Предположим, что в исключительных случаях наличие земли и угодий, тяглых дворов в одних жеребьях влияло на обложение других жеребьев, если у них имелся один и тот же владелец. Большая часть таких «бездворных» владений была юридически оформлена непосредственно в период писцового описания или осталась без документов — «крепостей». Возможно, владения были приобретены незадолго до описания уезда.

Рассмотрим владения, помещенные в п. 2 таблицы 2. Предварим наш анализ замечанием, касающимся терминологии. Есть традиция называть такие владения «однороческими» [Миклашевский; Важинский]. Не отказываясь полностью от использования этого термина, мы предпочитаем выражение «пустопоместные»²¹ владения, используемое в последнее время в исследованиях, посвященных южнорусским уездам [Скобелкин, 2013, с. 63]. В «пустопоместных» хозяйствах подлежали обложению владельческие дворы, причем облагались они по нескольким нормам. По всей видимости, размеры этих норм были органически связаны с размерами запашки (см. таблицу 3).

²⁰ В описанных владениях нет дворов владельческих, приказчиков, крестьянских, бобыльских, задворных и деловых людей, пустых дворов и дворовых мест, в 7 случаях не фиксируется «пашня паханая», но есть перелог, целинные земли («дикое поле») и сенокосы.

²¹ Под «пустопоместным» владением в данном случае следует понимать владение служилого человека, помещика или вотчинника, не устроенное тяглыми крестьянскими и бобыльскими дворами. Причем «пустопоместный» служилый человек мог быть устроен владельческим двором, а мог и не иметь такового.

Таблица 3

Характер обложения владельческих дворов во владениях,
где не зафиксированы крестьянские и бобыльские дворы (56 вл.)

№.№ п/п	Х а р а к т е р обложения (в долях четверти)	К о л - в о владений всего	Социальный статус владельцев и количество владений для каждой категории		
			сын боярский	п о м е с т н ы й казак	вдова
1	0,0625	11	6	0	5
2	0,125 ⁵	34	26	5	3
3	0,1875	11	8	2	1

⁵ 0,0625 – норма обложения бобыльского двора, 0,125 – норма обложения крестьянского двора.

Большинство владельческих дворов было обложено по «стандартной» крестьянской норме. Рассматривая эту группу владельцев, можно сделать некоторые предварительные наблюдения относительно обстоятельств, которые могли стать причиной обложения владельческих дворов. Часть (21 вл.) составляли владения «без крепостей», где помещики не сумели обосновать свои владельческие права документально либо документы были оформлены в период описания уезда (1627/1628, 1628/1629, 1629/1630 г.), возможно, это были недавно приобретенные владения. Или, напротив, права владения были оформлены достаточно давно, но помещики не сумели обзавестись крестьянскими и бобыльскими дворами, попав под налогообложение своими собственными дворами. Так, 24 владения были оформлены в период 1612/1613–1617/1618 г., то есть за 10–15 лет до писцового описания. Следовательно, владельческие дворы подлежали обложению, если помещики не сумели привлечь на свою землю тягловцев.

Уместным будет предположить, что обложение при полном отсутствии дворов и обложение «пустопоместных» владений воронежский писец осуществлял по той причине, что эти владения облагались ранее, до введения нового порядка. Характер обложения для «пустопоместных» хозяйств, по-видимому, основывался на личном составе владельческого двора. Тот факт, что некоторые вдовьи дворы и дворы детей боярских «недорослей» облагались по заниженной бобыльской норме, наводит на мысль, что при обложении учитывались хозяйственные возможности помещичьего двора. Другим критерием обложения служило количество распаханых земель. У «пустопоместных», обложенных по «половинной» бобыльской норме среднее значение «пашни паханой» на владение составило 6,5 десятины; у обложенных по крестьянской норме – 12 десятин; у обложенных по «полуторной» норме – 14 десятин в трех полях. Хотя эти показатели не являются абсолютными в силу своей усредненности, они показывают тенденцию к увеличению нормы обложения по мере увеличения распашки и роста освоенности земельных угодий.

Обратимся к хозяйствам, обложенным выше нормы, где наличествовали тяглые дворы (п. 3–4 таблицы 2). Как и в атаманских селах, выше нормы оказались обложенными не самые сильные хозяйства с точки зрения тягловоспособности. Обложению подлежали и владельческие дворы, причем помещики участвовали в обработке земли наряду с крестьянами, о чем свидетельствуют высокие показатели распаханности земель. В среднем, в этой категории на 1 владение приходилось 1,7 крестьянских двора и 11 четвертей «пашни паханой» в одном из трех полей (16,5 десятины в трех полях). Получаем, что 1 крестьянский двор распахивал примерно 10 десятин. Поддержание столь высоких показателей «пашни паханой» может объясняться только усиленной эксплуатацией всех имеющихся во владении рабочих рук, включая руки помещика.

Поясним также 8 отдельных прецедентов, помещенных в п. 5 таблицы 2. Вероятно, в указанных случаях завышенное налогообложение объясняется тем, что учтены по определенным нормам (крестьянским или бобыльским) имеющиеся во владениях пустые крестьянские дворы или дворовые места, дворы приказчиков, усадьбы прежних помещиков. Возможно, крестьянские «густонаселенные» дворы (например, 4 человека в одном дворе) учтены как несколько отдельных дворов.

Любопытным представляется общее наблюдение по категории «переобложенных» владений. В указанных 163 случаях фиксируется 139 владельческих дворов, при этом владения переобложены в совокупности на 278 бобыльских или 139 крестьянских дворов. И если мы учтем, что писцом в оклад «сошного письма» положены все владельческие дворы, взятые по норме крестьянских, то переобложение в указанной категории фактически исчезает. Очевидна ситуация, когда писец облагает владельческие дворы, но делает это не всегда, а в тех случаях, когда речь идет о владениях, слабо заселенных крестьянами, где ощущается нехватка трудовых ресурсов и где помещик, видимо, сам участвует в распашке земель.

Перейдем к владениям, обложенным ниже нормы (137 вл.) (см. таблицу 4). На наш взгляд, механизм «недообложения» действует так. Некоторые тяглые дворы вообще не были положены в оклад, другие были положены в оклад, но вполтину, например, дворы, записанные крестьянскими, положены в оклад по бобыльской норме.

Таблица 4

Владения детей боярских, поместных казаков и вдов служилых людей, обложенные ниже нормы

№/№ п/п	Характер обложения	Кол-во вл.	%
1	Все крестьянские и бобыльские дворы во владении учтены как бобыльские	31	23 %
2	Учтены только крестьянские дворы (как крестьянские), бобыльские не учтены	15	11 %
3	Учтены только крестьянские дворы (как бобыльские), бобыльские не учтены	3	2 %
4	Часть крестьянских дворов учтена по «половинной» бобыльской норме (см. варианты применения такого учета в пунктах 4.1–4.9) ⁶	88	64 %
4.1	1 крестьянский двор учтен как бобыльский	29 вл.	
4.2	2 крестьянских двора учтены как бобыльские	23 вл.	
4.3	3 крестьянских двора учтены как бобыльские	11 вл.	
4.4	4 крестьянских двора учтены как бобыльские	5 вл.	
4.5	5 крестьянских дворов учтены как бобыльские	7 вл.	
4.6	6 крестьянских дворов учтены как бобыльские	1 вл.	
4.7	7 крестьянских дворов учтены как бобыльские	3 вл.	
4.8	9 крестьянских дворов учтены как бобыльские	1 вл.	
4.9	Случаи чрезвычайно заниженного обложения ⁷	8 вл.	
5	Всего:	137	100 %

⁶ Во всех указанных случаях имелось достаточное количество крестьянских дворов, которые предположительно облагались по бобыльской «половинной» норме.

⁷ Это исключительные случаи. Возможно, часть тяглых дворов учитывалась по «полубобыльской» норме (0,03125 четверика).

Итак, к большинству владений писец применил своеобразный «двойной счет», записывая дворы как крестьянские, а облагая их как бобыльские. Обложенными ниже нормы оказались наиболее тягоспособные хозяйства. На одно такое владение приходилось в среднем 5 крестьянских дворов и 12,5 четверти «пашни паханой» в одном поле (19 десятин в трех полях). Средняя распашка на 1 крестьянский двор составила 4 десятины, что, видимо, свидетельствует о менее интенсивной эксплуатации трудовых ресурсов в «населенных» поместьях, в отличие от «пустопоместных» хозяйств.

Чем объясняется такой «двойной» счет «сошного письма»? Выскажем некоторые соображения. Заселяя новопостроенные на южных рубежах крепости, правительство периодически осуществляло запись владельческих крестьян «в прибор»²² [Глазьев, 2013а, с. 279–280]. Затрудняла народную колонизацию края и постоянная татарская угроза. По подсчетам А. А. Новосельского, Россия потеряла пленными за первую половину столетия до 200 тысяч человек [Новосельский, с. 436]. Предположительно среди пленных было немало крестьян. В этих непростых условиях часть помещиков сумела заселить свои земли крестьянами. Остальные дети боярские, не справившиеся с этой задачей, вынуждены были сами пахать землю.

Известно, что с 1590-х годов правительство разрешало в некоторых уездах «обелять» часть барской запашки, но на определенных условиях, к которым Н. А. Рожков, анализируя дозорную книгу Бежецкой пятины 1593–1594 г., отнес наличие барской запашки, обрабатываемой холопами на землевладельца, личное несение военной службы помещиком и его жительство в своем поместье [Рожков, с. 266–268]. Между тем нет оснований утверждать, что система «обеления» со всей полнотой действовала в южных уездах в конце XVI – начале XVII в. И если до писцового описания 1627–1629 г. «пустопоместные» дети боярские Воронежского уезда платили налог со своей пашни, то логичным представлялось положить их в оклад при новом порядке «живущей четверти».

Итог налогообложения у писца Р. Киреевского почти сошелся в целом по уезду, следовательно, налоговое бремя для тяглого населения ряда владений было облегчено и, напротив, для тяглого населения ряда владений утяжелено. Писец должен был обязать платить тех, кто платил и раньше, по старым правилам. Поскольку многие помещики пахали успешнее, чем обзаводились крестьянскими дворами, мог возникнуть значительный разрыв в итогах «сошного письма», исчислявшихся ранее «по пашне»²³ и уменьшавшихся теперь, после исчисления по «живущей четверти» из крестьянских и бобыльских дворов. Соблюдая интересы казны, для сокращения этого разрыва писец вынужден был положить в оклад владельческие дворы слабых хозяйств, что и породило некоторые случаи обложения выше нормы. Такая линия проводилась в отношении тех детей боярских, кто по своему социально-экономическому положению был близок к крестьянам и посадским людям.

Вместе с тем служилые люди юга России не были однородной категорией. Из массы помещиков выделилась служилая «верхушка». Ее отличали более высокие чины и должности, оклады и «дачи», наличие крестьянских и бобыльских дворов [Глазьев, 2013б, с. 24]. Из писцовых расчетов очевидно, что облегченным оказалось налоговое бремя для тяглого населения во владениях служилой «верхушки».

Как видим, введение норм «живущей четверти» происходило в течение длительного периода, когда новые принципы налогообложения проходили своего рода «обкатку», проверку на жизнеспособность. Изначально тяжелые нормы «живущей четверти» эволюционировали

²² Частый комментарий к пустым крестьянским дворам в тексте писцовой книги — «взят на Воронеж в стрельцы», «взят в козаки».

²³ В качестве приправочных книг писец Р. Киреевский использовал материалы дозора 1615 г. по Воронежскому уезду, где расчет «сошного письма» был произведен «по пашне». Публикацию дозорной книги 1615 г. см.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний.

для ряда уездов в сторону смягчения. Насколько новая система обложения была не отлажена, продемонстрировали итоги валового описания русских уездов и появление различных систем расчета «сошного письма» [Милов, Булгаков, Гарскова, с. 111]. Анализ воронежской писцовой книги 1627–1629 г. приводит к выводу о смешанном характере налогообложения. Расчеты «сошного письма» были произведены как с тяглых дворов («живущей четверти») для многодворных хозяйств, так и с владельческих дворов и, вероятно, с учетом «пашни паханой» и угодий для «пустопоместных» хозяйств.

В центральных и северных уездах государства, где сложились крепкие мирские традиции, писец тесно взаимодействовал с общиной. В итоге писец осуществлял своего рода «механические» расчеты налогообложения, а внутренняя раскладка налогообложения ложилась на плечи общины, при этом механическое обложение корректировалось в зависимости от экономического потенциала дворов. Так, по предположению А. Л. Шапиро, оклад владельческих крестьян зависел от населенности двора, размера его земельного надела, от прожиточности крестьянского хозяйства в целом [Шапиро, 1962, с. 211–212]. Иная ситуация сложилась в южных уездах, где крестьянская община только зарождалась, а объектом обложения становились иногда и владельческие дворы. Предположительно, осуществляя расчеты, писец мог учитывать экономический потенциал облагаемых хозяйств. Невозможность положить в оклад по новым правилам владения многочисленных «пустопоместных» детей боярских породила затруднения у писца. Не выкладывая таких помещиков из оклада, писец подверг обложению владельческие дворы по нормам, которые внутренне были связаны с размерами запашки либо с личным составом владельческого двора. И опять же не община, а сам писец в своих расчетах примеривался к хозяйственным возможностям помещичьих дворов, руководствуясь принципом посильности налогообложения. Такой подход к реализации норм налогообложения, возможно, вытекал из поставленной перед описанием задачи восстановить и упорядочить сбор налогов.

Литература

- Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
- Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
- Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974.
- Васильев Ю. С. Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв. // Социально-правовое положение северного крестьянства (дооктябрьский период). Вологда, 1981. С. 25–40.
- Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. I–II.
- Глазьев В. Н. Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. С. 278–283. [Глазьев, 2013а]
- Глазьев В. Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI–XVII вв. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 27–32. [Глазьев, 2013б]
- Глазьев В. Н. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 10. С. 71–78.
- Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977.
- Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1906.
- Дмитриева Э. В. К вопросу о появлении новой налоговой единицы в Русском государстве – «живущей чети» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 105–110.
- Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве: XVI–XVII вв. Изд. 2-е, испр. М., 2011.
- Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992.

- Камараули Е. В. Натуральные и денежные сборы в системе государственных налогов во второй половине XVII в. (по материалам Центрального Черноземья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2014 г. М.; Самара, 2015. С. 108–117. [Камараули, 2015а]
- Камараули Е. В. Поместное землевладение на Юге России в XVII в. (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 76–81. [Камараули, 2015б]
- Камараули Е. В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2016 г. М.; Уфа, 2016. С. 80–89. [Камараули, 2016]
- Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.
- Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
- Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.
- Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
- Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
- Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
- Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. репринт. М., 2007. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения.
- Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 58–65.
- Скобелкин О. В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 46–56.
- Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.
- Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
- Хитров Д. А. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 1. С. 79–101.
- Черненко Д. А., Чеченков П. В. Сведения о четвертной пашне писцовой книги Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 гг. в свете изучения налогообложения в России первой половины XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2014 г. М.; Самара, 2015. С. 47–53.
- Шапиро А. Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 год. Материалы симпозиума. Киев, 1962. С. 207–217.
- Шапиро А. Л. Живущая четь и живущая выть // ВИД. Л., 1987. Т. XIX. С. 94–117.
- Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012.